

— Уходите, и впредь не приходите, — сказал староста Чжан. Он не собирался устраивать драку — максимум, что можно было сделать, это дать им подзатыльник, но потом начнётся бесконечная волокита с Вэньцзячжуанем. Лучше просто прогнать их и запретить появляться здесь снова.

На самом деле отношения между Ляньхуаао и соседними деревнями никогда не были тёплыми.

Обычно они почти не общались, так что неудивительно, что друг друга недолюбливали.

Дядя и тётя Вэнь, увидев такую толпу, поняли: ничего не добьёшься. Вэнь Жуня явно защищают многие, и им оставалось только уйти, опустив головы от стыда и злости.

Как только они ушли, Вэнь Жунь тут же поблагодарил всех:

— Спасибо вам огромное, что пришли на помощь! Я и не думал, что они сюда заявятся.

Все и так прекрасно понимали: Вэнь Жунь — настоящий сюдай, учёный муж, а теперь ещё и цзюйжэнь. Если такой человек «выходит замуж» и переезжает в Ляньхуаао, значит, в его прежней жизни точно что-то произошло. Кто поверит, будто всё было гладко?

Но раз он сумел здесь обосноваться — этого достаточно.

Копаться в прошлом бессмысленно: жизнь продолжается, да и Вэнь Жунь живёт неплохо.

Более того, он принёс Ляньхуаао немало пользы и перемен.

Разве могут они позволить, чтобы его обидели?

— Не стоит благодарности!

— В следующий раз, если они ещё раз явятся, не пустим их в деревню!

— Да, эти двое просто отвратительны!

Поблагодарив всех, Вэнь Жунь проводил уходящих. Остались только старик Чжан и дядя Ян.

Они вошли в дом Ваней, и Вэнь Жунь пригласил их в гостиную. Тётя Цуйхуа подала горячий чай и сладости, а затем ушла вместе с тётей Ян и женой Чэнь Цяна, забрав с собой маленькую Ван Мэй в задние комнаты.

Кроме чая, на столе стояли домашние пирожные от жены Чэнь Цяна.

Готовить полноценные блюда она не умела, зато отлично варила супы и пекла сладости.

Раньше в доме иногда покупали готовые сладости, но теперь почти всё делали сами.

Правда, ничего изысканного: просто паровые пирожки с финиками и лепёшки с красной фасолью.

Из-за зимы не стали делать пирожки из семян горца-водяного (цяньши), а завтра детям на полдник приготовят пирожки с османтусом — сладкие, любимые детьми.

Чай был из подарков уездного начальника: чёрный, зелёный и цветочный — всё было. Сейчас заварили чёрный чай: ароматный и согревающий.

Раньше, когда в доме Ваней готовили что-то вкусное, всегда посылали немного дяде Яну, а иногда и старосте. Дядя Ян особенно любил пирожки с финиками, но сейчас у него совсем не было настроения есть сладости.

— Что за история? — спросил он Вэнь Жуна. — Ты ведь ни разу не упоминал, что у тебя есть дядя с тётей. Как они вдруг появились сюда?

Дядя Ян, пожалуй, был первым, кто познакомился с Вэнь Жунем ещё при его приезде в Ляньхуаао — прошло уже больше полугода, но Вэнь Жунь ни словом не обмолвился о своей прежней жизни. Даже не говоря об этом, супруги Ян не раз шептались между собой, догадываясь, что за этим скрывается какая-то тайна, которую лучше не выспрашивать.

Но ведь прошло уже столько времени! Во время уборки урожая они не появились, а теперь, после первого снега, вдруг пришли — зачем?

— Да я сам не понимаю! — удивился Вэнь Жунь. — Когда меня отправляли, относились, как к чуме. Вы же знаете: я здесь уже столько времени, а они даже не заглянули, не прислали никого узнать, как я. Моё имущество давно распродано — если бы хотели что-то требовать, пришли бы сразу. А теперь? Как говорится, «жареная капуста уже остыла» — разве не слишком поздно?

— Не поздно, — возразил староста Чжан. — Потому что они только что узнали, что ты стал цзюйжэнем. Пару дней назад я ездил в уездный город. Ты ведь знаешь: в этом году наши налоги и повинности записаны на твоё имя, а Вэньцзячжуаню такой льготы не досталось.

Вэнь Жунь задумался:

— Но разве из-за этого стоит устраивать весь этот шум?

— Ещё как стоит! — ответил староста Чжан. — По правилам, если Ляньхуаао освобождается от повинностей, то другие деревни должны их заменить, и всё это планируется заранее. В этом году Вэньцзячжуаню пришлось платить налоги и выполнять повинности полностью. У них есть два сюцай, но их звания не освобождают всю деревню от налогов и работ. А вот твой статус цзюйжэня, если правильно им воспользоваться, мог бы полностью освободить Вэньцзячжуань от всех налогов и повинностей! Но вместо этого эта удача досталась нам, Ляньхуаао.

Он усмехнулся:

— Как думаешь, разве жители Вэньцзячжуаня могут это принять? Особенно твой дядя: раньше он записывал свои налоги и повинности на твоё имя и был освобождён от них. А в этом году — нет. Обо всём этом рассказал Ма Саньэр. Недавно он ведь отсутствовал дома? Так вот, он ездил в Вэньцзячжуань: тот, кто купил твой дом, нанял его, чтобы тот «поддержал авторитет». Сейчас в Вэньцзячжуане полный хаос! Говорят, твой дядя заплатил пять лянов серебром, чтобы выкупить себе повинность в этом году. А в следующем году им предстоит чистить русла рек — тяжелейшая работа! Чтобы выкупить повинность, понадобится не меньше десяти лянов. Жители Вэньцзячжуаня не вынесут такой муки — возможно, к тому времени цена дойдёт и до двадцати лянов за место!

Вэнь Жунь скривил губы. Двадцать лянов — это целый год спокойной и сытой жизни для семьи из пяти человек!

А теперь тратят такие деньги лишь на то, чтобы избежать одной повинности. Видимо, ни прежний хозяин тела, ни сам Вэнь Жунь никогда не сталкивались с повинностями и не понимали, насколько это тяжело.

— Кстати, по очереди в следующем году должна была идти наша деревня, а Вэньцзячжуань — только через год. Но раз в этом году повинности Ляньхуаао записали на тебя, ты ведь не знаешь, какие рожи скорчили те два старых скряги из Вэньцзячжуаня, узнав, что ты стал цзюйжэнем и взял наши налоги и повинности под своё крыло! Это было зрелище!

Те «два старых скряги», о которых говорил староста Чжан, были именно староста и родовой старейшина Вэньцзячжуаня.

Упомянув их, староста Чжан воодушевился:

— Раньше они смотрели на нас, жителей Ляньхуаао, свысока! А теперь я сам смотрю на них свысока! У нас есть цзюйжэнь-господин, а у них — максимум сюцай! Когда они идут платить налоги и уточнять расписание повинностей, мы просто идём «поглазеть» — развлечётся!

На самом деле староста Чжан ездил туда именно для того, чтобы похвастаться и хоть немного отомстить за старые обиды — пусть все знают: в Ляньхуаао тоже есть свои люди!

Хотя в деревне и немного домохозяйств — не больше тридцати, — Вэнь Жунь как цзюйжэнь мог обеспечить покровительство всем им.

Другие деревни могли только завидовать — но ничего не поделаешь!

— Значит, они пришли, чтобы уговорить цзюйжэня Вэня вернуться? — нахмурился дядя Ян. — Видимо, именно за этим?

— Именно так, — кивнул староста Чжан. — Они хотят использовать имущество как повод: либо заставить цзюйжэня Вэня перепродать имущество им по дешёвке, либо вернуться в Вэньцзячжуань. Тогда хотя бы тридцать домохозяйств Вэньцзячжуаня смогут «погреться у его огня».

Он посмотрел на Вэнь Жуна:

— цзюйжэнь Вэнь не вернётся, верно?

— Зачем мне туда возвращаться? — спокойно отпил чай Вэнь Жунь. — Женщина, вышедшая замуж, — что вода, вылитая за порог. Там у меня ни земли, ни дома больше нет. Возвращаться не за чем... Разве что могилы родителей остались.

Но староста Чжан возразил:

— Я бы на твоём месте перенёс могилы родителей сюда, в Ляньхуаао. Там, глядишь, скоро некому будет за ними ухаживать.

Вэнь Жунь задумался, опустив голову:

— Это можно будет сделать только весной, после того как земля оттаёт.

Сейчас земля промёрзла — копать невозможно. Да и для переноса могилы нужно найти знающего человека, чтобы тот выбрал благоприятный день по календарю и провёл все обряды должным образом.

Он уже дал понять Вэньцзячжуаню своё отношение: отказался возвращаться и даже выгнал дядю с тётей. Хотя он и не был настоящим прежним хозяином тела, сейчас это тело принадлежало ему, и он обязан был исполнять сыновний долг перед родителями.

Две могилы — всего лишь одна семейная усыпальница супругов. Но при его нынешнем положении он вполне мог обеспечить им достойное поминание.

Вэнь Жунь оставил гостей на обед. Тётя Цуйхуа специально приготовила тушёную свинину, паровую рыбу, ещё пожарила вяленое мясо и приготовила вяленые колбаски на пару.

Вэнь Жунь сообщил, что завтра поедет в уездный город и попросил дядю Яна присмотреть за домом.

— Зачем тебе ехать в город? — удивился дядя Ян. — У нас же ничего не кончилось.

— Конечно, еду знакомиться и укреплять связи! — улыбнулся Вэнь Жунь с лёгкой, уверенной усмешкой, будто всё уже было под его контролем.

На следующий день он действительно отправился в город. Ехал он в маленькой повозке, правил Чэн Лаоу, а сопровождали его ещё и Лю Лаосань.

Двое спутников обеспечивали полное спокойствие и безопасность.

Прибыв в уездный город, Вэнь Жунь не стал сразу заниматься делами, а направился в лучшую из трёх городских гостиниц и снял сразу три верхних номера. На этот раз он привёз с собой немало вещей — взял целых две повозки!

Одну — для себя, вторую — для багажа.

В этой гостинице один верхний номер стоил семьдесят медяков за ночь. За три номера управляющий самолично назначил цену — двести медяков за ночь.

Вэнь Жунь сразу же отсчитал два лян серебра:

— Сдачу оставьте или доплатите позже — не знаю, сколько дней пробуду.

— Отлично! — учтиво ответил управляющий и лично провёл их в номера. Все три комнаты находились рядом. Вэнь Жунь выбрал самую дальнюю, угловую, а остальные две отдал Чэн Лаоу и Лю Лаосаню.

Управляющий спустился, чтобы прислать горячую воду для умывания. Чэн Лаоу с любопытством разглядывал всё вокруг, а Лю Лаосань сказал:

— Господин, нам бы и на общей полати хватило. Верхние номера слишком дороги.

— На общей полати вы плохо выспитесь, — возразил Вэнь Жунь, указав на них. — Да и смотрите на себя: вы же специально надели новую одежду, чтобы придать мне блеска! Как вы можете спать на общей полати?

Оба потупились и неловко поправили свои одежды.

Ещё глубокой осенью, когда они только пришли к Вэнь Жуню, им сшили по два комплекта новой одежды. А к зиме каждому выдали ещё по три комплекта ватной одежды.

Правда, всё это была простая, короткая рабочая одежда, но сшита из новой ткани и набита свежей ватой.

Даже обувь была новая — тёплые ватные сапоги с белоснежными голенищами, от которых сразу было видно: перед вами чистоплотный человек.

Чэн Лаоу никогда не спал на общей полати, но слышал о ней: там собирается всякая публика, а в комнате даже ставят ночной горшок — в такой мороз никто не хочет выходить на улицу.

Говорят, запах там невыносимый, а ночью — кто храпит, кто скрипит зубами, кто бормочет во сне, кто пускает газы... бывает даже, что кто-то лунатиком бродит!

Лю Лаосаню было чуть легче — он хоть и ночевал на общей полати, но знал: условия там действительно ужасные. Хотя и дёшево — всего пять медяков за ночь!

Но теперь им действительно не пристало там останавливаться. Ведь, выезжая из дома, они не только надели новую одежду, но и взяли с собой запасную — новую одежду, обувь, носки. А перед отъездом даже специально выкупались и вымыли волосы.

В доме Вэнь Жуна строго соблюдали чистоту: раньше у них дома водились вши, но теперь, работая у такого господина, они обязаны быть безупречно чистыми!

Даже зимой полагалось купаться и мыть голову по первым и пятнадцатым числам каждого месяца.

Сначала это казалось непривычным, но теперь они уже не могли смотреть на грязных людей.

И дело не только в них — вся деревня изменилась. Ведь дети учились у Вэнь Жуна, а он строго следил за гигиеной. Дети подражали ему. Конечно, не все стали идеально чистыми и опрятными, но почти все! А раз дети чистые — родители тоже начали прибираться, иначе господин Вэнь может рассердиться и перестать учить их детей!

— Не волнуйтесь, — улыбнулся Вэнь Жунь. — Мне в ближайшие дни предстоит встречаться с гостями и друзьями. Если вы плохо отдохнёте, как будете за мной ухаживать? После умывания пойдёте обедать — в ту самую таверну, где работает старший брат Чжан.

— Есть! — обрадовались оба. Ведь поехать в город с таким щедрым господином, да ещё и

пообедать в настоящей таверне — такого счастья им ещё не выпадало!

Раньше они только привязывали у входа воронки с быками или лошадьми, но внутрь никогда не заходили — ни разу не ели там и не могли себе этого позволить.

Вэнь Жунь надел шелковую ватную одежду и повёл обоих в таверну. Старший брат Чжан по-прежнему работал там управляющим. Увидев Вэнь Жуна, он тут же провёл его на второй этаж, к окну: там было светло, вид хороший, а открыв окно, можно было наблюдать за уличной суетой.

— Как это ты в такое время в уездный город приехал? Дело есть? — с заботой спросил старший брат Чжан, глядя на Вэнь Жуна.

Ведь теперь вся семья Чжана живёт гораздо лучше именно благодаря господину-цзюйжэню Вэню. Раньше старший брат Чжан каждый год мечтал собрать денег, чтобы выкупить у отца повинность, но цена варьировалась от пяти до двадцати лянов серебром, а иногда, когда не хватало рабочих рук, выкупать повинность вообще запрещали.

А ведь отец уже в таком возрасте — страшно, что не выдержит!

Теперь же, благодаря цзюйжэню Вэню, вся деревня Ляньхуаао освобождена от повинностей — достаточно просто помогать в доме Ваней.

Лёгкая работа, приятная, да ещё и не надо уезжать из деревни.

— Нет, просто решил заглянуть, навестить учителя и однокурсников, да ещё и засвидетельствовать уважение уездному начальнику, — улыбнулся Вэнь Жунь. — Несколько дней, пожалуй, побеспокою старшего брата Чжана: нам троим придётся питаться здесь.

— Да что вы! Никаких хлопот! — поспешно замахал руками старший брат Чжан. — Будьте спокойны, накормлю вас как следует! Кстати, вы хотите навестить уездного начальника?

— Да, — кивнул Вэнь Жунь. — Что, он, может, занят?

— Не то чтобы занят... Просто слышал, будто он в последнее время очень загружен. Даже пару раз ездил в уездную столицу. Не уверен, находится ли сейчас в ямэне (уездной канцелярии). Правда, мои сведения не слишком точны — ведь даже стражники не осмеливаются болтать лишнего про уездного начальника. Да и зачем мне, в самом деле, расспрашивать о нём?

— Если его нет, тогда навещу в другой раз, — спокойно ответил Вэнь Жунь. Ему вовсе не обязательно видеть самого уездного начальника — секретарь Мао подойдёт ничуть не хуже.

Они плотно пообедали: два основных блюда и суп — свиная ножка в соусе, тушёная рыба и белый рис.

В подарок подали ещё и тонко нарезанные огурцы под красным перцовым маслом — такая лёгкая закуска.

Насытившись, трое мужчин попили чая, сходили «по-маленькому», и только после этого вышли из таверны.

Лю Саньэр сел править повозкой, Чэн Лаоу разместился сзади для охраны, а Вэнь Жунь устроился внутри кареты.

Так, покачиваясь в такт копытам, они доехали до одного места.

<http://bllate.org/book/15642/1398058>